

А. А. Козлов

**Свое слово. Философско-
литературный сборник**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А. А. Козлов
А11 Свое слово. Философско-литературный сборник: Часть 1 / А. А. Козлов – М.: Книга по Требованию, 2020. – 150 с.

ISBN 978-5-458-24939-3

Сборник, который философ-спиритуалист А.А. Козлов - один из первых представителей персонализма в России, начал выпускать вместо выходившего ранее журнала «Философский трехмесячник». Как и предшествующее издание, «Свое слово» состоит исключительно из статей самого автора. В этих публикациях он в итоговой форме формулирует свои философские воззрения, в которых развивает концепцию панпсихизма.

ISBN 978-5-458-24939-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я считаю полезнымъ объяснить на счетъ предлагаемаго сборника съ моими читателями вообще и особенно съ бывшими подписчиками и читателями издаваемаго мною въ 1886 году журнала: „Философскій Трехмѣсячникъ“. Въ свое время я уже заявилъ читателямъ этого журнала, что послѣдствія тяжелой болѣзни, поразившей меня въ томъ же году, заставили меня остановить изданіе на 1887 годъ „Философскаго Трехмѣсячника“. Такъ какъ послѣдствія этой болѣзни въ извѣстной степени продолжаются и до сихъ поръ, то я и теперь все таки не могу возобновить изданіе журнала, обязаннаго предъ его подписчиками срочнымъ выходомъ.

Таже болѣзнь, хотя и нѣсколько не тронула моихъ умственныхъ силъ, но все таки не позволила мнѣ продолжать моей преподавательской дѣятельности въ университетѣ. Отсюда въ моемъ распоряженіи осталось нѣкоторое свободное время, которое, вмѣстѣ съ остаткомъ прежде бывшихъ силъ, я и могу посвятить всегда любимой мною философской наукѣ и ставшей для меня теперь единственнымъ утѣшеніемъ.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго я предпринимаю, вмѣсто прежняго обязательнаго и срочнаго журнала, изданіе сборника, который и будетъ выходить въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія статей. Статьи эти будутъ философскаго содержанія, хотя, можетъ быть, среди нихъ появятся и произведенія общенаучнаго или даже беллетристическаго характера.

Что касается до моихъ философскихъ воззрѣній и моего направленія, то оно останется тѣмъ же, съ которымъ мои читатели

познакомились и прежде. При этомъ я постараюсь о болѣе полномъ и понятнѣйшемъ выраженіи моихъ философскихъ воззрѣній на міръ и жизнь, по скольку они выработались у меня въ силу жизненнаго опыта и теоретическаго изученія науки.

Надѣюсь, что въ этомъ сборникѣ, кромѣ моихъ работъ, появятся труды и другихъ, болѣе или менѣе сочувственныхъ по направленію и воззрѣнію, лицъ. Предполагаю ежегодно издавать одну книжку моего сборника большаго или меньшаго объема, который будетъ зависѣть отъ состоянія моихъ силъ, а также и отъ помощи, которую мнѣ могутъ оказать другія лица.

О выходѣ книжки буду извѣщать читателей черезъ газеты.

Какъ при изданіи „Философскаго Трехмѣсячника“, такъ и при изданіи этого сборника я приглашаю моихъ постоянныхъ читателей обращаться ко мнѣ съ своими недоумѣніями и вопросами, по поводу напечатаннаго мною или моими сотрудниками. На всякій серьезно и основательно поставленный вопросъ будетъ, по мѣрѣ силъ, данъ отвѣтъ въ слѣдующей книжкѣ сборника. Само собою разумѣется, что, при постановкѣ вопросовъ, должны быть приняты въ соображеніе требованія цензуры, литературнаго приличія и т. под.

А. Н.

25 мая 1888 г.

БЕСѢДЫ
СЪ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ СОКРАТОМЪ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Въ разговоръ о субстанціи, завязавшемся между Камановымъ и Сократомъ, онъ защищаетъ мысль, что субстанціи не могутъ находиться въ пространство и быть доступны внѣшнимъ чувствамъ. Потомъ въ разговоръ съ Красоткинымъ Сократъ оспариваетъ мысль, что матеріальныя атомы суть субстанціи.

Уже года два, какъ познакомился я съ человѣкомъ, котораго въ нашемъ кружкѣ называли не иначе, какъ Сократомъ Ивановичемъ, а за глаза такъ и просто Сократомъ, хотя настоящее его имя было Алексѣй Ивановичъ.

Кто и что такое былъ Сократъ Ивановичъ, и какъ я съ нимъ познакомился, о томъ я расскажу какъ либо на досугѣ, въ другой разъ, а теперь скажу, что видѣть его, когда я по дѣламъ пріѣзжалъ изъ родной Калуги въ славный Петрополь, стало для меня обычною и настоятельною потребностью.

Разъ пріѣхавъ въ Петербургъ въ маѣ 188* года, я пошелъ на другой день къ своему пріятелю, Калганову, жившему близко отъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ я остановился. Калганова я засталъ на выходѣ изъ дома. Онъ мнѣ обрадовался и воротился назадъ, располагая остаться со мной дома. Но я просилъ его не церемониться со мною и отправляться, куда ему было нужно.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, мнѣ никуда не нужно. Отправлялся я къ Сократу. Вы знаете, что сегодня воскресенье и у Сократа, по обычаю, пекутъ отличный пирогъ съ сигомъ. Я и отправился къ

нему принять участіе въ „отечественномъ симпозионѣ“, по его выраженію.

— Ну вотъ и отлично, сказалъ я, такъ и я съ вами отправлюсь. И очень радъ повидать Сократа.

Наняли извозчика на Пески, гдѣ уже давно живетъ Сократъ на одной и той же квартирѣ. Войдя въ квартиру, мы по установившемуся у насъ обычаю, прямо безъ доклада вошли въ комнату Сократа. Онъ сидѣлъ передъ какой то книгой и, увидѣвъ насъ, всталъ и съ видимымъ удовольствіемъ сталъ здороваться съ нами, особенно со мною, какъ съ пріѣзжимъ. Пока я съ Сократомъ размѣнивался вопросами и отвѣтами обычными у людей, долго не выдавшихся, Калгановъ овладѣлъ книгою, которую читалъ Сократъ и началъ ее разсматривать. Петръ Оомичъ Калгановъ, вообще человѣкъ смирный, нѣсколько задумчивый, малоразговорчивый, въ присутствіи Сократа иногда выходилъ изъ своей обычной апатіи и становился весьма возбужденнымъ и болтливымъ. Онъ не могъ вытерпѣть, чтобы не задрать чѣмъ либо Сократа и не вступить съ нимъ въ споръ, хотя въ тоже время былъ несомнѣнно расположенъ къ нему. Вѣроятно, его возбуждали вообще необычныя философскія воззрѣнія Сократа, казавшіяся совершенно дикими человѣку, не искусившемуся въ философской діалектикѣ.

— Ну, вотъ посмотрите, Платонъ Михайловичъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и показывая на толстую книгу, которую читалъ Сократъ, всегда то его застанешь за какой либо нѣмецкой философіей въ полпуда вѣсомъ. На одной страницѣ я насчиталъ разъ двадцать повторяющееся слово: Substanz. И вообще въ нѣмецкомъ не силенъ, а эту философскую тарабарщину—ни одного слова не понимаю. О чемъ это, Сократъ Ивановичъ?

Сократъ. Солидная книга! Авторъ хочетъ здѣсь доказать, что существуетъ *только одна* субстанція.

Калгановъ. Что же это значить на человѣческомъ, а не на тарабарскомъ языкѣ?

Сократъ. Зачѣмъ же тарабарскомъ? Скажите лучше такъ: на

языкъ философіи, науки, которой я не изучалъ, да и изучать не желалъ. Языкъ этотъ для незнающаго такъ же не понятенъ, какъ языкъ физики, математики, астрономіи для незнакомыхъ съ этими науками.

Налгановъ. Ну, пусть такъ! Скажите же, что это значитъ, что существуетъ только одна субстанція? Да прежде, я не знаю, что значитъ это словечко: *субстанція*?

Сократъ. Словечко это латинское, происходитъ отъ словъ: sub, что значитъ *подъ*, и stare—*стоять*. Отсюда substantia, по слово-производству, значитъ то, что стоитъ, пребываетъ подъ чѣмъ нибудь, или составляетъ основаніе для чего либо. Въ философскомъ языкѣ подъ субстанціей разумѣютъ неизмѣнное бытіе въ противоположность смѣняющемуся, независимое, самостоятельное въ противоположность зависящему. Это смѣняющееся и зависящее на томъ же языкѣ называется *акциденціей* или *аттребутомъ*. Точно также можно обозначить словомъ субстанція то, *что есть*, пребываетъ, сравнительно съ акциденціей или съ тѣмъ, что измѣняется, *бываетъ*. Значитъ, при словѣ субстанція всегда разумѣютъ и акциденцію, и оба слова служатъ поясненіемъ другъ другу. Вотъ, какъ говорится, *номинальное опредѣленіе* слова: субстанція, общее для всѣхъ философскихъ школъ. Затѣмъ, *реальное опредѣленіе* субстанціи, т. е., исчерпывающее ея дѣйствительную природу, различно и зависитъ отъ основныхъ началъ, которыхъ держится та или другая школа.

Налгановъ. Опять пошли словечки: номинальное, реальное опредѣленіе, да еще у каждой школы различное. Вотъ такъ-то и всегда философія! То ли дѣло физика или химія? Тамъ нѣтъ ни номинальныхъ, ни реальныхъ, а просто принятыхъ всѣми физиками и химиками опредѣленій.

Сократъ. По моему, вовсе не бѣда, что есть словечки; бѣда была бы, если бы ихъ не было, что значило бы, что не было бы науки, въ нашемъ случаѣ, логики. Для знакомыхъ съ этой наукой и наши словечки понятны. Точно также напрасно вы, Петръ Хо-

мичъ, думаете, что въ другихъ наукахъ, напримѣръ, физикѣ и химіи, нѣтъ реальныхъ и номинальных опредѣленій... ..

Въ это время, слышавшійся въ передней, шумъ смолкъ; и въ комнату вошли три человѣка: одинъ папъ общій хорошій знакомый, Алексѣй Ѳеодоровичъ Карамазовъ, а два другіе мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстные.

Карамазовъ. Я уже вижу, что стычка у Петра-Ѳомича съ Сократомъ Ивановичемъ началась и жалѣю только, что мы не попали къ началу побоища, а потому, Сократъ Ивановичъ, не здороваясь и не обращая на насъ вниманія, извольте продолжать рѣчь, начало которой мы слышали въ передней. Послѣ за пирогомъ поздороваемся и потолкуемъ.

Съ этими словами Карамазовъ указалъ пришедшимъ съ нимъ лицамъ на два свободные стула и сѣлъ смирно самъ.

Сократъ (продолжая). Ну, пусть будетъ по вашему, Алексѣй Ѳеодоровичъ! Опять онъ задралъ меня на споръ. Да, на чемъ, бывш, мы остановились? Вспомнилъ! Вотъ въ физикѣ, напримѣръ, чѣмъ не словечко: эфиръ, и точно также имѣетъ номинальное и реальное опредѣленіе и точно также реальныя опредѣленія различны, смотря по различію теорій. Номинальное опредѣленіе, общее всѣмъ: эфиръ есть причина свѣта, а реальное будетъ заключаться въ изложеніи того понятія, въ которомъ будетъ объясняться, что такое эта причина свѣта и какія ея свойства; матеріальный или не матеріальный это дѣятель и какая конституція этого дѣятеля, какой способъ дѣйствій и тому подобное. Ученые физики въ этомъ объясненіи разногласятъ и даютъ реальныя опредѣленія различныя.

Калгановъ. Ну, хорошо! пусть будетъ по вашему! Такъ, значить, субстанція есть нѣчто постоянное, неизмѣнное. Что же бы это могло быть? Я люблю примѣры, а то безъ примѣровъ—то вы меня сейчасъ спутаєте. Вотъ, напримѣръ, камень. Что это — субстанція?

Сократъ. Нѣтъ, камень субстанціей и быть не можетъ, ибо субстанція есть нѣчто нераздѣльное, единое само въ себѣ и само по себѣ, а камень... ..

Калгановъ. Такъ камень не субстанція; ну, а собака, субстанція или нѣтъ?

Сократъ. И собака не субстанція, она каждую минуту растеть, измѣняется.

Калгановъ. Ну, а человѣкъ, тоже не субстанція.

Сократъ. И человѣкъ не субстанція. Впрочемъ, тутъ нужно объясниться, потому что слова, употребляемые безъ объясненія, могутъ вести къ недоразумѣніямъ. Такъ и слово: человѣкъ, подвержено недоразумѣнію. Субстанція ли человѣкъ или нѣтъ, будетъ зависѣть отъ того, что будемъ мы разумѣть подъ человѣкомъ.

Калгановъ. Что будемъ разумѣть? Кажется, ясно, что разумѣть! Вотъ, напримѣръ, сказалъ онъ, дотрогиваясь до меня пальцемъ, вотъ это: то, что я вижу, то, что я осязаю, слышу—все это и есть человѣкъ.

Сократъ. Ну, если это, т. е., что видимо, слышимо, осязаемо и такъ далѣе, то это не субстанція. Сейчасъ мы приходимъ уже къ одному изъ реальныхъ, хотя и отрицательныхъ опредѣленій субстанціи. По монмъ воззрѣніямъ, я выражу его такъ: все, подлежащее вѣншимъ чувствамъ и занимающее пространство, не есть субстанція.

Калгановъ. Да ужъ не съ ума ли мы съ вами спятили, Сократъ Ивановичъ? Гдѣ же эти ваши субстанція, коли ихъ нѣтъ нигдѣ? Значить, и небесныя тѣла не субстанціи, а такъ какъ они вмѣстѣ составляютъ міръ, то и міръ не субстанція. Да, докажете же эту чудную вещь, что все то, что мы видимъ, осязаемъ и проч., не субстанція. Такъ какъ субстанція есть нѣчто постоянное, сравнительно съ измѣняющимся, то неужели же въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего постоянного. Все это что-то мудрено для меня, для не философа.

Сократъ. Такъ какъ субстанція пока для насъ есть нѣчто постоянное, сравнительно съ измѣняющимся, и независимое, или само по себѣ сущее, сравнительно съ зависимымъ, сущимъ не по себѣ, а отъ другаго или, пожалуй, въ другомъ, то доступный

чувствамъ, находящійся въ пространствѣ, міръ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, а потому не можетъ представлять субстанцій, ибо все, что ни встрѣчается въ этомъ мірѣ, не есть само по себѣ.

Калгановъ. Да вотъ, напримѣръ, камень, (беретъ въ руку прессы-папье), какъ онъ не самъ по себѣ?

Сократъ. А, вотъ, какъ! Этотъ камень бѣлый, по для того, чтобъ быть ему бѣлымъ, должны существовать зрѣніе и тотъ, для кого онъ бѣлый. Безъ нихъ онъ не бѣлый и вообще не цвѣтной. Точно также безъ того, кто ощущаетъ что либо тяжелымъ и легкимъ, этотъ камень не тяжелый и не легкій. Безъ того, кто слышитъ, онъ не звучитъ и не не звучитъ; безъ того, кто осязаетъ, онъ не гладкій и не шероховатый, безъ того, кто не ощущаетъ. онъ не твердый и т. д. Такъ и все другое, и самыя небесныя тѣла таковы. Но иначе, какъ въ томъ, что въ немъ видятъ, слышатъ, осязаютъ и проч., камень не только не имѣетъ ничего постоянного, но вовсе не существуетъ, ибо помимо этого, что же онъ? Ничто?

Калгановъ. Какъ ничто? а матерія-то?

Сократъ. Но, вѣдь, матерія-то не видима, вѣдь, она не цвѣтна, вѣдь, звукъ также не она, то, что мы знаемъ какъ твердость, тяжесть, мягкость—это тоже не матерія. Значитъ и по вашему, матерія, если она есть, не подлежитъ чувствамъ.

Калгановъ. Но положимъ, что она не подлежитъ чувствамъ, но, вѣдь, она занимаетъ же пространство?

Сократъ. Ну, что же изъ того, что она занимаетъ пространство? Вѣдь, не пространство видимо, или слышимо, или осязаемо; значитъ, если пространство существуетъ, то оно само еще можетъ быть субстанціей, а ужъ никакъ не то, что въ немъ находится, потому что то, что въ немъ находится въ своемъ бытіи зависимо не отъ себя, а отъ того, кто видятъ, слышитъ и тому подобное. Вѣдь, протяженность тѣлъ, сама по себѣ, не есть видимое или осязаемое. Значитъ, я совершенно вѣрно сказалъ, когда говорилъ, что субстанція не доступна внѣшнимъ чувствамъ, и что субстанція не есть то, что занимаетъ пространство.